

РСФСР

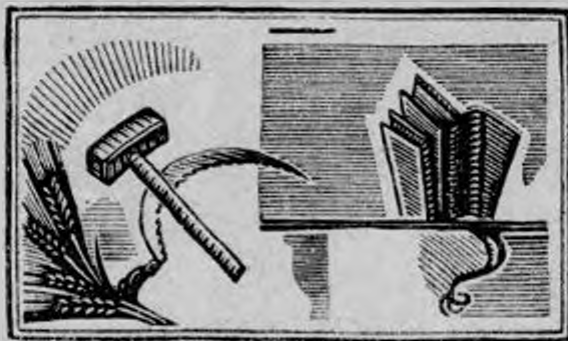
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Ж У Р Н А Л

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ
ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

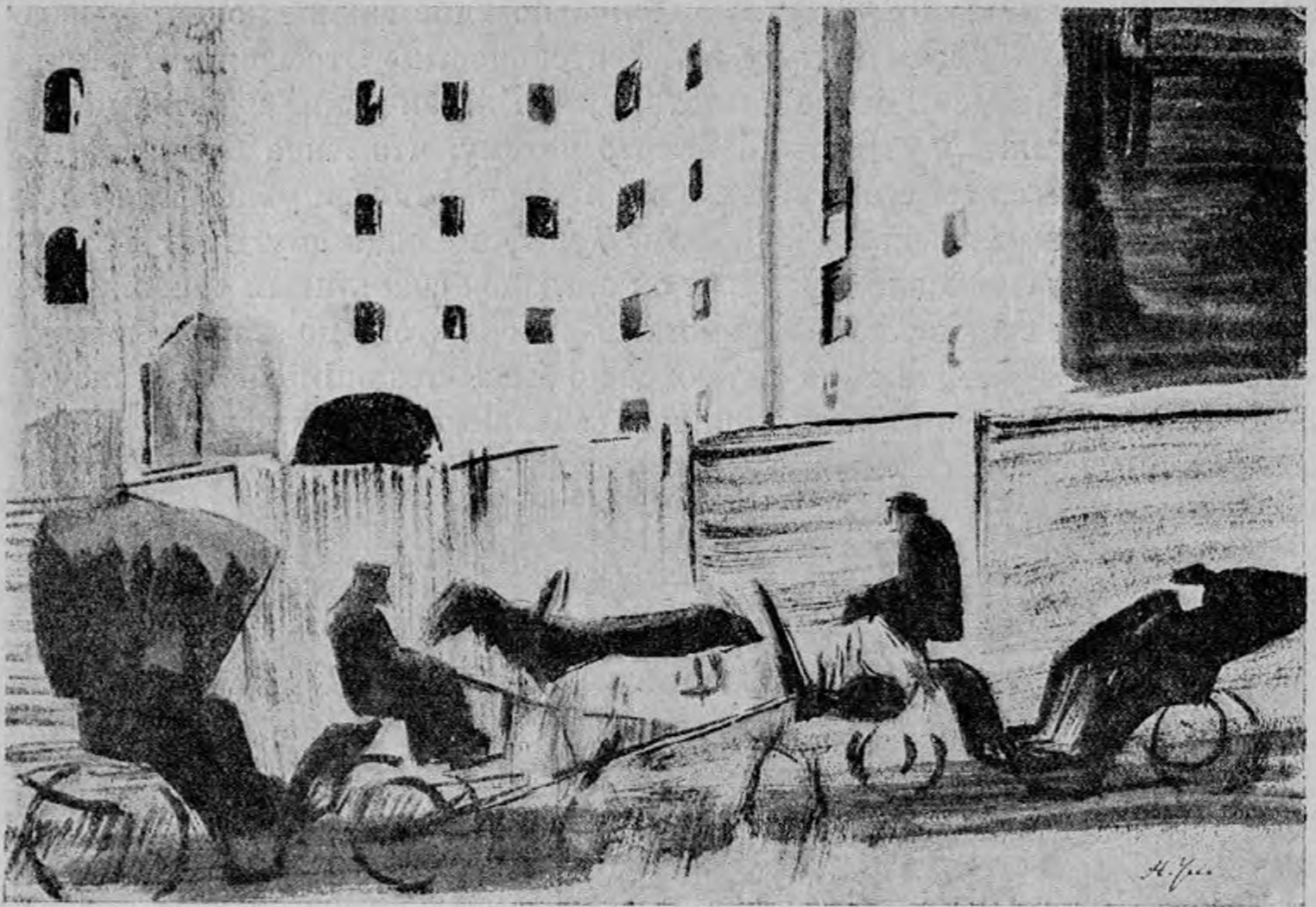

КНИГА ТРЕТЬЯ
АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1928

Н. П. Ульянов.

Перекресток.

РИСУНКИ Н. П. УЛЬЯНОВА.

К. Зеленина.

Ульянов как рисовальщик находился под разнообразными и, как на первый взгляд может показаться, даже враждебными воздействиями. Официально он — ученик Серова, который может считаться лучшим рисовальщиком последнего времени. Серов получил от Чистякова традицию Академии. Таким образом Ульянов имеет прочную базу ремесла рисунка. И благодаря своей искусности в рисунке он был значительной фигурой в «Мире искусства», но его манера в корне отлична от приемов группы рисовальщиков из «Мира искусства». Большинство этой группы — графики, прикладники, украшатели книг. Ни малейшего эстетизма в рисунках Ульянова нет. Его не увлекает орнаментика, прихотливая вязь штрихов ради заполнения пустых пространств листа. Отсутствие декоративности, некоторый даже аскетизм в этом смысле, является слабой стороной его живописи. Он — не делатель вещи, а изобразитель жизни в самом широком ее выявлении. И это свойство роднит его с художниками Франции.

Ульянов прежде всего ставит себе задачу выявления формы. Отсюда его увлечение классическим искусством: и живописью и поэзией. Все, что связано с формой, — в его творчестве великолепно развито и завершено. Композиция, ритм в отдельных его произведениях разрешены очень оригинально. Естественно поэтому, что рисунок для него всегда являлся

специальной задачей, и в этой области он много работал. А при условии, если художник имеет мысли о форме творчества, если он свои восприятия и чувства, притекающие из внешнего мира, связанные с искусством, подвергает контролю мысли — он имеет систему. И чем конкретнее для художника его метод, тем легче ориентироваться исследователю при изучении структуры его рисунков.

Переходя к рассмотрению техники рисунков Ульянова, следует сказать, что он не был изобретателем новых приемов и не является последователем какой-либо известной школы и направления, но он вносит в технику рисунка свои особые черты, по которым его рисунки отличить из тысячи.

И. П. Ульянов. Портрет А. Н. Толстого.

И. П. Ульянов. Портрет В. И. Иванова.

В первый период творчества Ульянова для него типична линия, обводящая контур, иногда почти непрерывная, спокойная, без нажимов и ослаблений (портрет Е. В. Муратовой), иногда — отрывистая, нервная (портреты К. Ф. Богаевского и Ал. Толстого); в обоих этих случаях почти отсутствует штриховка, подчеркивающая объемы. Последние намечены той же линией, более плавной формы. И в зрелый период, когда он освобождается от влияний и вырабатывает свой стиль — для его рисунков

Н. П. Ульянов.

Дидро и брат его кюрэ.

характеризующим началом остается линия. Но она становится более ломкой, хрупкой, отрывистой, она превращается в штрих. Он не обводит форму до конца, а лишь подчеркивает наиболее существенное, только намечая форму, не выявляя ее деталей. Но зато он больше пользуется штриховкой и пятном для получения объемов. Однако силовных черных пятен — масс он не употребляет, его пятна есть всегда сумма линий-штрихов, большей или меньшей интенсивности, большего или меньшего размера. Эти линии скрещиваются под острым углом. В зигзагах таких пересечений есть что-то крайне стремительное, и если переводить на язык ощущений — колющее. Что-то напоминающее обломки битого стекла. Но наряду с такой манерой и в то же время существует и другая, где грани смягчены полутоном, где резких переходов нет. Легкая штриховка, затертая растушевкой или пальцем, дает осязательное впечатление мягкости и вышуклости. Такой прием он употребляет чаще для изображения женского тела («Венера», «Олимпия», «Человек, потерявший свое отражение»).

В рисунках последнего времени можно констатировать большую заботу о фактуре. Форма штриха и его направление весьма сознательно прорабатываются художником. Отдельные варианты его рисунков сделаны с единственной целью — показать новую фактуру. Например, весь рисунок исполнен штриховкой почти силовой, положенной в одном направлении. Форма и светотень разработаны ослаблением и усилением то оторванного, то беспрерывного штриха без изменения его направления.

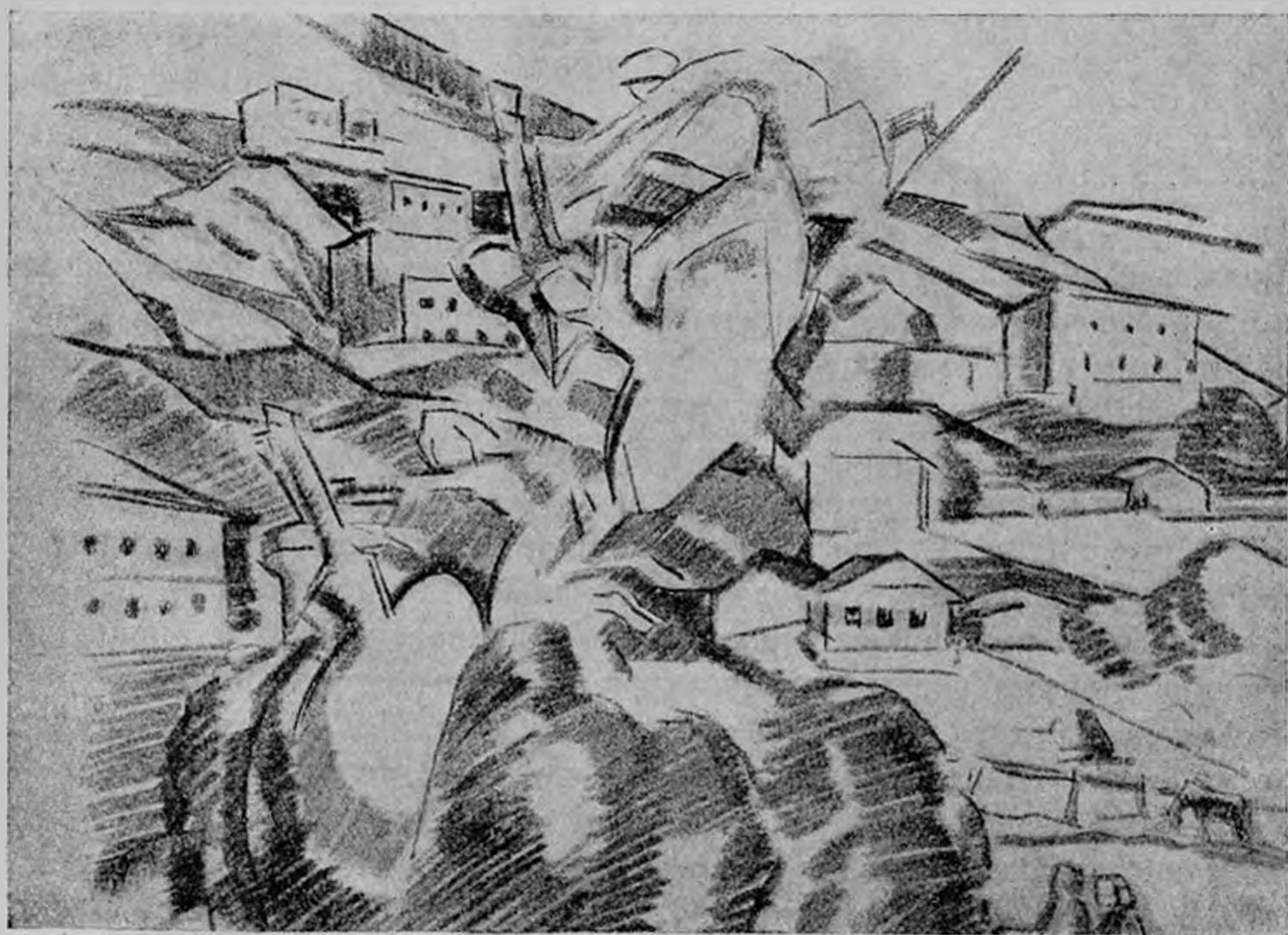
Перечисленные свойства относятся к области данных величин из комплекса средств, некие же — постоянны в его творчестве. Они меняются вместе с содержанием рисунков, но относятся постоянно к про-

блеме конструкции. Во всех них на первом плане композиция, и наибольшая экспрессивность его произведений достигается, в основном, расположением предметов на листе рисунка.

Просматривая листы его альбомов с циклами рисунков, ясно чувствуешь, что эта техника, эта манера не типичны для русской школы рисовальщиков. Эта видимая легкость, лаконичность, законченность, эта беглость линии, подчас граничащая с шиком виртуоза — суть качества, знакомые нам в творчестве Домье, Тулуз-Лотрека и др. Но, однако, рисунки Ульянова ни на кого из них не похожи. Они имеют что-то общее в идее, в подходе, в интерпретации полученного образа, в манере обработки и организации листа, но не имеют полной аналогии. О лучших листах Ульянова надо сказать, что здесь — ничего лишнего в форме, ничего загромождающего содержание. Чувство меры руководит художником и дает его произведениям убедительность, заставляющую согласиться если не с целым образом, воспроизведенным им, то, несомненно, с его формальным воплощением.

Метод его творчества, подход к предмету, толкование и оформление темы приводят к необходимости сделать попытку подвести художника к известным ныне группировкам, так как все его творчество характеризует Ульянова как человека своей эпохи. Действительность, живая жизнь, вопросы сегодняшнего дня — все это волнует художника. С начала века в искусстве возникает цепь сменяющих друг друга направлений, подчас противоречивых, предлагающих все новые и новые системы и приемы.

И. П. Ульянов. Портрет художника и его матери.

Ульянов не применил ни к одному из абстрактных течений. Ни «кубизм», ни «футуризм», ни «супрематизм» он не избрал средством для воплощения своих мыслей и образов. По его мнению, художественное произведение есть органическое целое. Мысль или образ, окутанные непосредственным чувством, нашедшие свою выразительную форму, создают художественное произведение, причем последнее не есть подражание природе. Это — новый объект, созданный художником. Такие рассуждения дают основание рассматривать творчество Ульянова как экспрессионистическое. Но в данном случае следует иметь в виду не немецкий «экспрессионизм» в узком смысле, получивший известность в Германии в послевоенные годы. Экспрес-

сионизм Ульянова — иной, он связан с истоками, с родоначальниками этого направления и ничего по внешности с немецким экспрессионизмом не имеет, поскольку последний абстрактен, мистичен и временами беспредметен. Ульянов должен быть отнесен к латинской группе художников-экспрессионистов, рассеянных в прошлом и предопределивших формально появление экспрессионизма в Германии. Это — Гойя, Домье и др. (мы берем рисовальщиков), называемые предшественниками экспрессионизма. Находя эту связь через мирозерцание между Ульяновым и группой западных рисовальщиков, нам будет понятна и легко объяснима общность характера их творчества. Экспрессионисты стараются передать предмет не только в его видимом аспекте, а внутренние свойства его и преимущественно те, которые для него в данное время и при данных условиях наиболее характерны. Средства этих художников, передающие личное чувство, различны: в одних случаях это есть цвет, в других — композиция, соотношения, линии, знак, т. е., в конце концов, всякий элемент, способный быть выразителем желаемой или найденной чувством цели. Ульянова пельзя сблизить с немецкими

экспрессионистами потому, что для него реальность всегда слишком очевидна.

Ульянов чуток ко всем проявлениям жизни, он улавливает ее новые ритмы, понимает ее строй и знает, что это бытие, развертывающееся перед взором пытливого зрителя, требует иных средств своего воплощения. И он находит их. Поэтому среди всех современных художников, прошедших в своем пути развития периоды крайних отклонений и увлечения абстрактными теориями, творчество Ульянова выделяется своей глубокой содержательностью. Он, быть может, острее других чувствует побег новых всходов, он улавливает новые внутренние голоса. И потому темы его сменяют одна другую и возникают иные, иногда противоречащие своим предшественницам. Но во всех их мы видим извлеченные из глубины жизни концепции, проведенные через пламя собственного опыта.

Просматривая его произведения из года в год, от дебюта до последних дней, мы замечаем, как с ростом его индивидуальности видоизменяется его техника, как он все ближе и яснее различает потребности и задачи нынешнего дня. Ульянов начинает свою карьеру как портретист. Причем от большого заказного портрета в манере Серова он быстро переходит к портрету-рисунку и находит для него удачную технику, воспринятую отчасти от Серова. Эти работы были очень удачны, сразу обратили на себя внимание и доставили известность художнику. Так исполнены портреты: художника Богаевского, Алексея Толстого, Е. В. Муратовой и др. Все они отличаются внешним изяществом, тонким сходством и интересной характеристикой. Затем, избегая внешнего шика, легкости руки, граничащей с виртуозностью, художник меняет манеру рисунка в портрете. Он начинает употреблять штриховку, чем еще больше подчеркивает объемность. Наряду с этим внимание его направляется на психологию, он прибегает к некоторым преувеличениям, утрируя характерные черты.

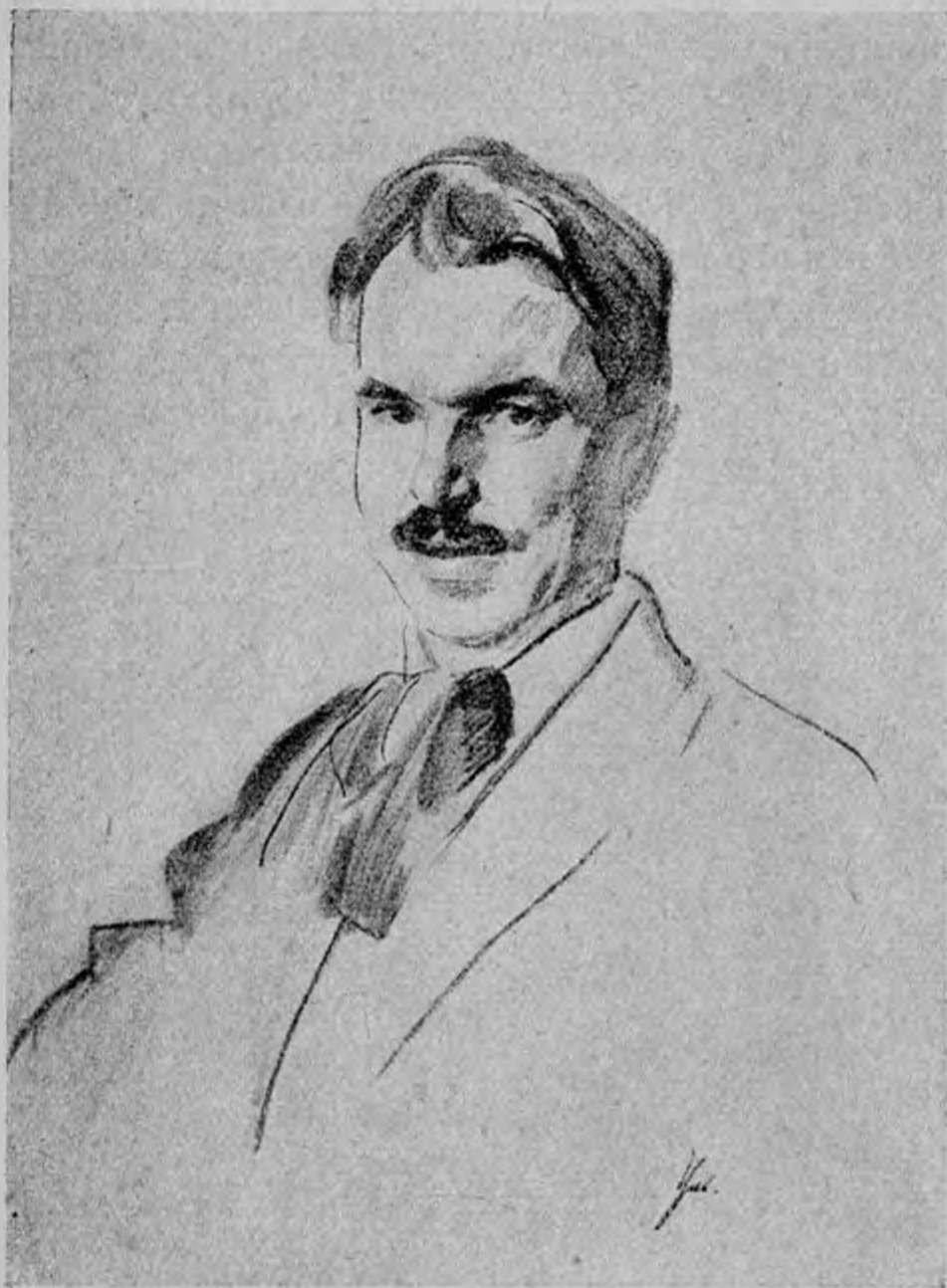
Н. П. Ульянов.

Воображаемый портрет Гофмана.

Появляются первые опыты сдвинутой и уже почти разбитой формы. Первой попыткой в этом смысле может быть назван портрет художника Кнаба. Здесь остается один шаг до гротеска. Но чувство меры, присущее Ульянову, удерживает его: из портретов он не делает карикатур. В творчестве художника появляется новый вид портрета: он делает целую серию «воображаемых портретов». Одни из персонажей этой серии навеяны прошлым, это—Пушкин, Гофман, Дидро... Другие—представляют его мечту, его фантазию. Это—не реальные лица, но и не вымыслы. Действительно они—анонимы, они не имеют имен и никому не знакомы, но

в то же время они нам известны, хотя мы их никогда не видали. Они типы, несущие черты, свойственные, в той или иной степени, каждому из нас.

До последнего времени карандашные портреты составляют значительную область в работах Ульянова, пополняя галерею современников. В прошлом году им нарисованы портреты: И. В. Евдокимова, художника С. И. Лобанова, А. М. Эфроса и Б. А. Грифцова. Здесь, наряду с очень острыми характеристиками, художник дает богатую своим разнообразием технику. Почти полную противоположность представляют портреты С. И. Лобанова и А. М. Эфроса. Тонкая нюансировка мельчайших оттенков,

Н. П. Ульянов.

Портрет художника
С. И. Лобанова.

акцентирующих психологизм первого, сменяется четкой лаконичностью определенных линий в характеристике второго.

В «Записках художника» мы читаем: «Говорить о достижениях нашего времени в портретном искусстве почти не приходится... Кажется, что задача портрета уже не под силу современному художнику. Изменились ли люди настолько, что перестали быть портретными, или переродился сам художник, в такой мере, что его палитра уже не чувствительна к образу человека? Нельзя современных людей назвать безликими. Сильные характеры, которыми мы наделяем минувшее, конечно, есть и в наше время».

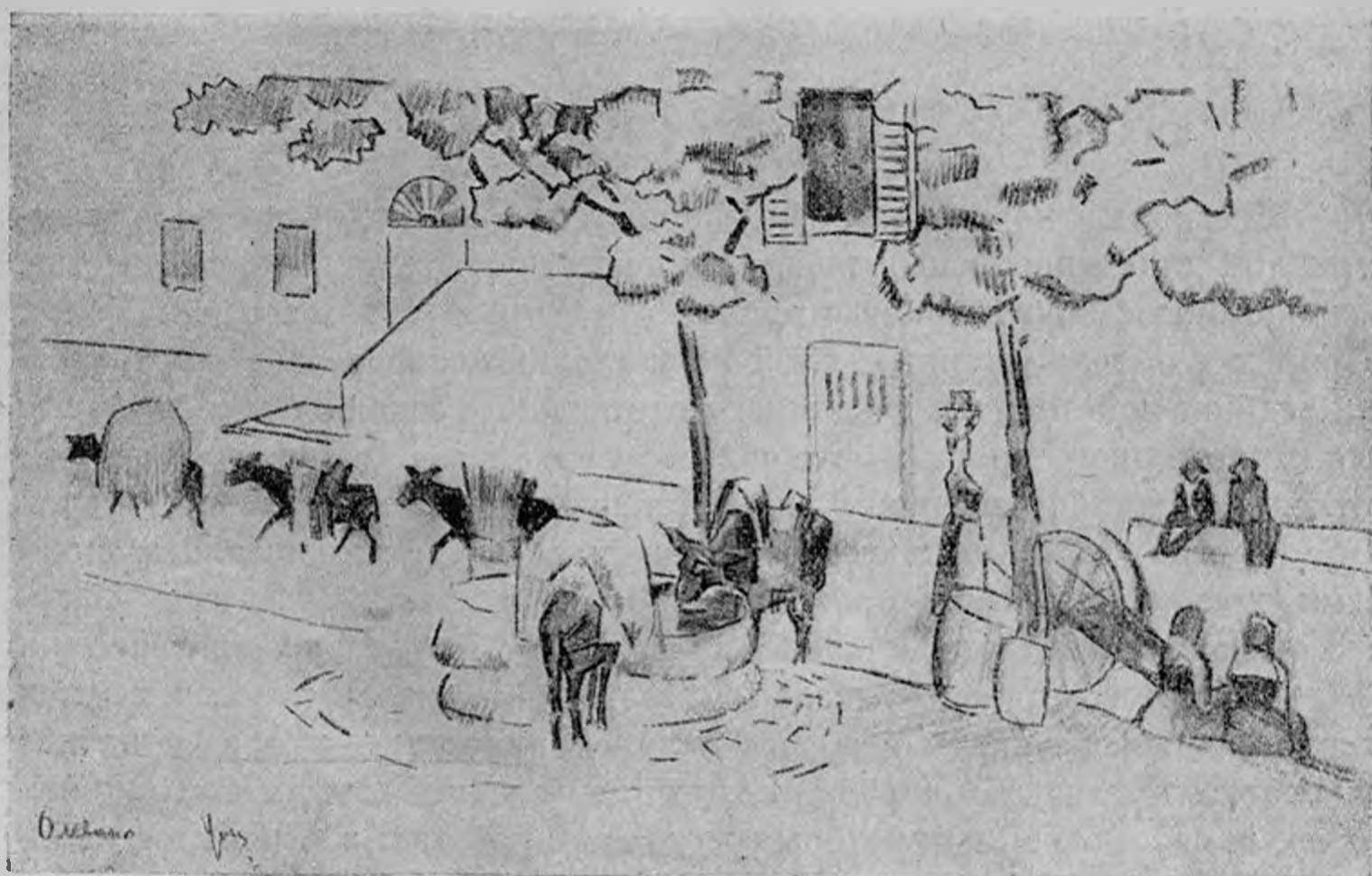

Н. П. Ульянов.

Равеннская пицета.

Каждый раз, приступая к портрету, Ульянов сознает всю ответственность задачи. Он старается разгадать человека и представить его при посредстве комбинированных штрихов и линий, с максимальной полнотой раскрывая личность портретируемого. Ульянов не льстит модели.

Н. П. Ульянов.

Олевако.

но как богатая индивидуальность он наделяет иногда изображаемого человека свойствами, которые едва намечены в его натуре, но отнюдь не преобладают.

Портрет, как и всякое художественное произведение, есть в некотором смысле автопортрет художника. Чем богаче натура мастера, тем неожиданнее и свободнее может быть психологическая оценка и истолкование портретируемой личности. Мы не говорим уже о чувстве симпатии или антипатии художника: они зачастую определяют толкование субъекта. Говоря о портретах Ульянова, необходимо отметить, что художник никогда не обеднит модели и не сделает ее пустой и незначительной.

Н. П. Ульянов.

Сенокос.

Многие из портретных рисунков служили подготовительным материалом для живописных работ, но существуют темы в его творчестве, разработанные почти исключительно в рисунке. Это—сюиты: «Город», «Природа», «Иллюстрации». Все они настолько закончены в рисунке, и эта техника для них так закономерна, отдельные задачи так специфичны для карандашного рисунка, что они не нуждаются в дальнейшей переработке. Специальную группу представляют рисунки из серии «Античное»; многие были выполнены позже маслом. Темы, связанные с мифами древности, разработаны Ульяновым в «Метаморфозах», «Нарциссе и эхо», «Цитере», «Адонисе и Ариадне». Наибольший интерес они представляют со стороны пейзажа. Эти могучие скалы, деревья и люди живут единым дыханием в образе великой природы — основе и начале мирового единства. Из альбома «Античное» следует выделить «Пояс Венеры», произведение, над которым художник работает в течение нескольких лет. Правда, здесь лишь образ из античности, но толкование его близко к эпохе Возрождения. Эта гибкость и красота обольстительного

Н. П. Ульянов.

Пейзаж.

женского тела, поза Венеры, окружающие ее предметы и драгоценности далеки от бесстрастной богини любви греческой мифологии. Это — женщина утонченного века расцветшей Италии, это тип Тициана.

В непосредственной связи с рисунками цикла «Античное» следует рассматривать альбом «Италия». Перед нами: Рим, Венеция, Падуя.

Н. П. Ульянов.

Овраги.

Кноджа, Олевано, Равенна — места, где Ульянов жил и работал. Каждая из этих местностей передана художником таким языком рисунка, в таких выражениях и образах, которые одним намеком, одним штрихом исчерпывают основное содержание темы.

«Иадуя с ее химерами у храма и кольцом статуй великих людей вокруг маленького сада».

«Кноджа, заброшенный город, издавна погруженный в исторический сон, все еще грезит душами своих «ненужных» жителей, собирающихся на мраморном мосту, на чьих ступенях стоят и сидят насторожившиеся женщины».

Художника поразила тишина итальянских селений. Молчание гор, молчание застывшего горячего воздуха. И это величие тишины веет от

Н. П. Ульянов.

Дубы.

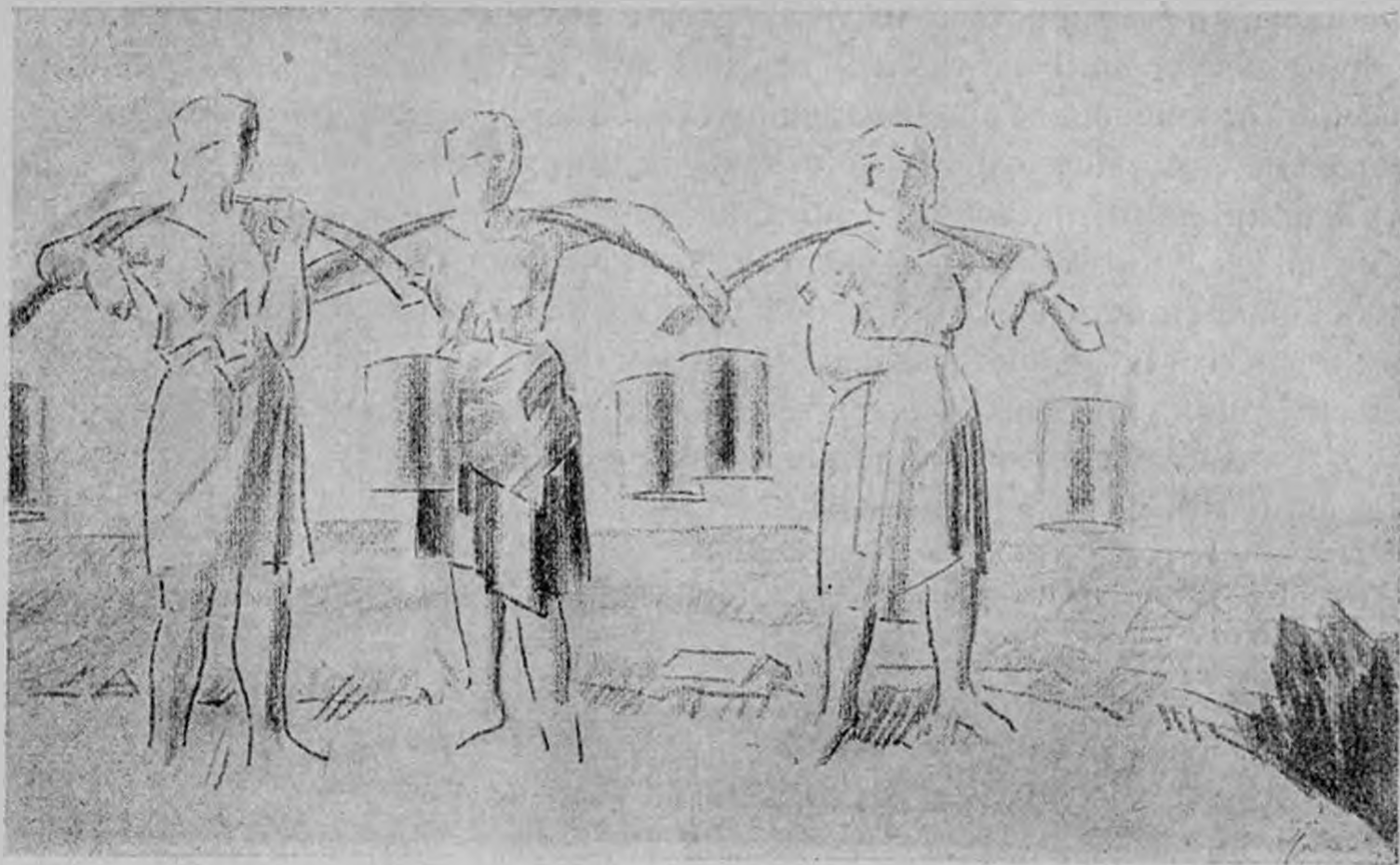
его рисунков, посвященных картинам повседневной жизни обитателей небольших местечек, «как бы выдолбленных на вершине горы из ее камня».

«Гнилая Равенна с ее пиной». «Купы пиный чудовищны по форме, это уже не деревья, а поднявшиеся к небу и застывшие там гигантские чернозеленые дельфины».

Приемы рисунка и его средства в сюите «Италия» совсем особые. Художник воздействует контрастами, массами черного и белого. Композиции его строгие и выдержанные.

Вслед за «Италией» открывается панорама «Природа». Это русский пейзаж местностей вокруг Москвы и на Оке. Из маленьких альбомных набросков с натуры Ульянов создает затем бесконечные вариации композиций, переводя натуралистический стиль беглого рисунка на отвлеченный, торжественный тон героического пейзажа. Его пейзажи даже при малых размерах монументальны: громады деревьев среди далеких просто-

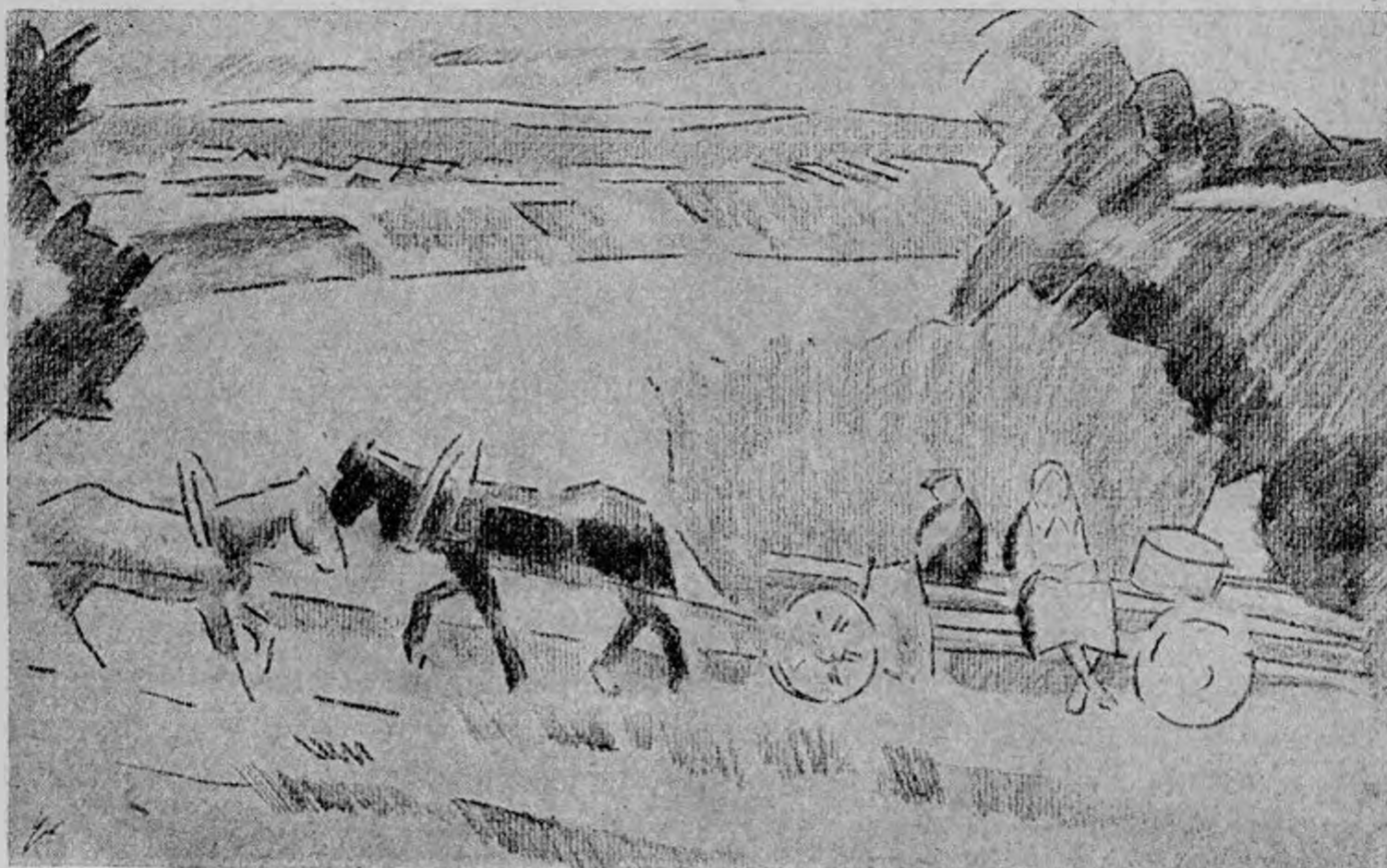

И. П. Ульянов.

Женщины с ведрами.

ров, дали, изрезанные полосами полей, селенья, с выдвинутыми на первый план домами у обрыва реки... В этих вновь и вновь появляющихся повторениях одного и того же мотива раскрывается основная черта ульяновского творчества — страсть к композиции. Это свойство мало типично для поколения современных художников, начавших еще в конце

И. П. Ульянов.

На берегу.

прошлого века бороться с Академией, выдвигавшей композиционные законы построения картин выше всех других принципов, наполнявших арсенал отживающих предрассудков старой школы. Но за деревьями просмотрели лес. Композиция — основа великих классиков. Возвращение к их принципам, настойчиво предлагаемое в наше время, несколько лет тому назад не отстаивалось так горячо, как ныне. Но Ульянов, никогда не боявшийся остаться при особом мнении в вопросах, связанных с судьбами искусства, давно занялся проблемами художественного ремесла, дошедшими до широких кругов художников лишь в самые последние годы и то, в значительной мере, под влиянием поворота западного искусства к классицизму.

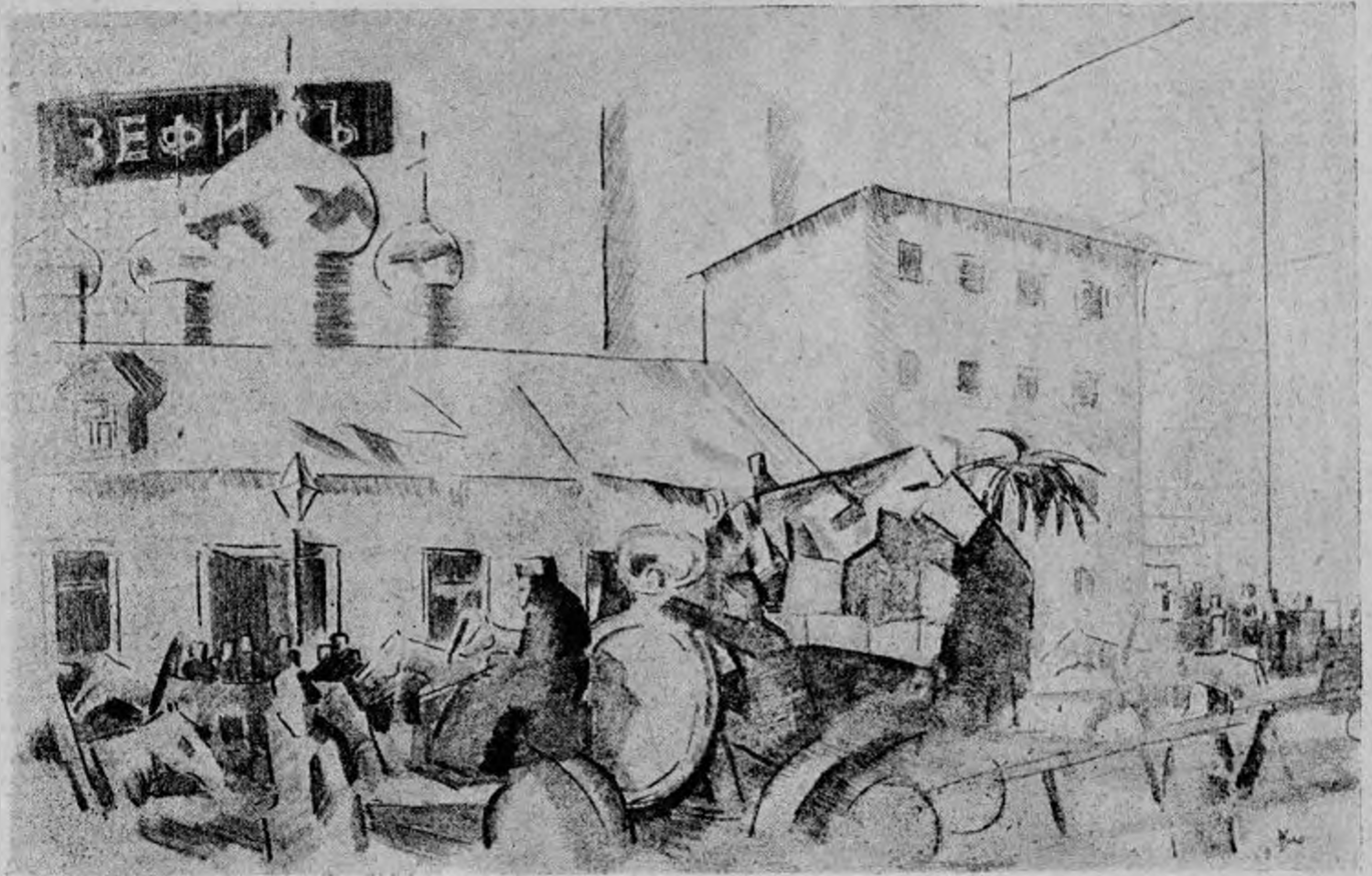

Н. П. Ульянов.

Карусель.

Богатая образами, явлениями и противоречиями жизнь последнего десятилетия предоставила художнику новый материал и овладела его вниманием. Пытливый взор рисовальщика всюду видит тему для наброска и рисунка. И как во всех циклах, так и здесь, Ульянов, оставаясь чистым реалистом, дает синтетические образы действительности. Его рассказ о городе не есть передача очевидца о каком-либо событии или происшествии, это — не зарисовки с натуры уличных сцен. Содержание их никогда не представляет эпизода, картинки нравов во вкусе Гаварни. Это — жизнь, но не запечатленная мгновенной фотографией, а описанная руками художника, имеющими способность давать изображения реальнее самой жизни, видеть то, что ускользает от утомленных глаз зрителя, случайного прохожего, поспешно бегущего сквозь улицы, спешащего к определенной цели, но что открыто досужему взору худож-

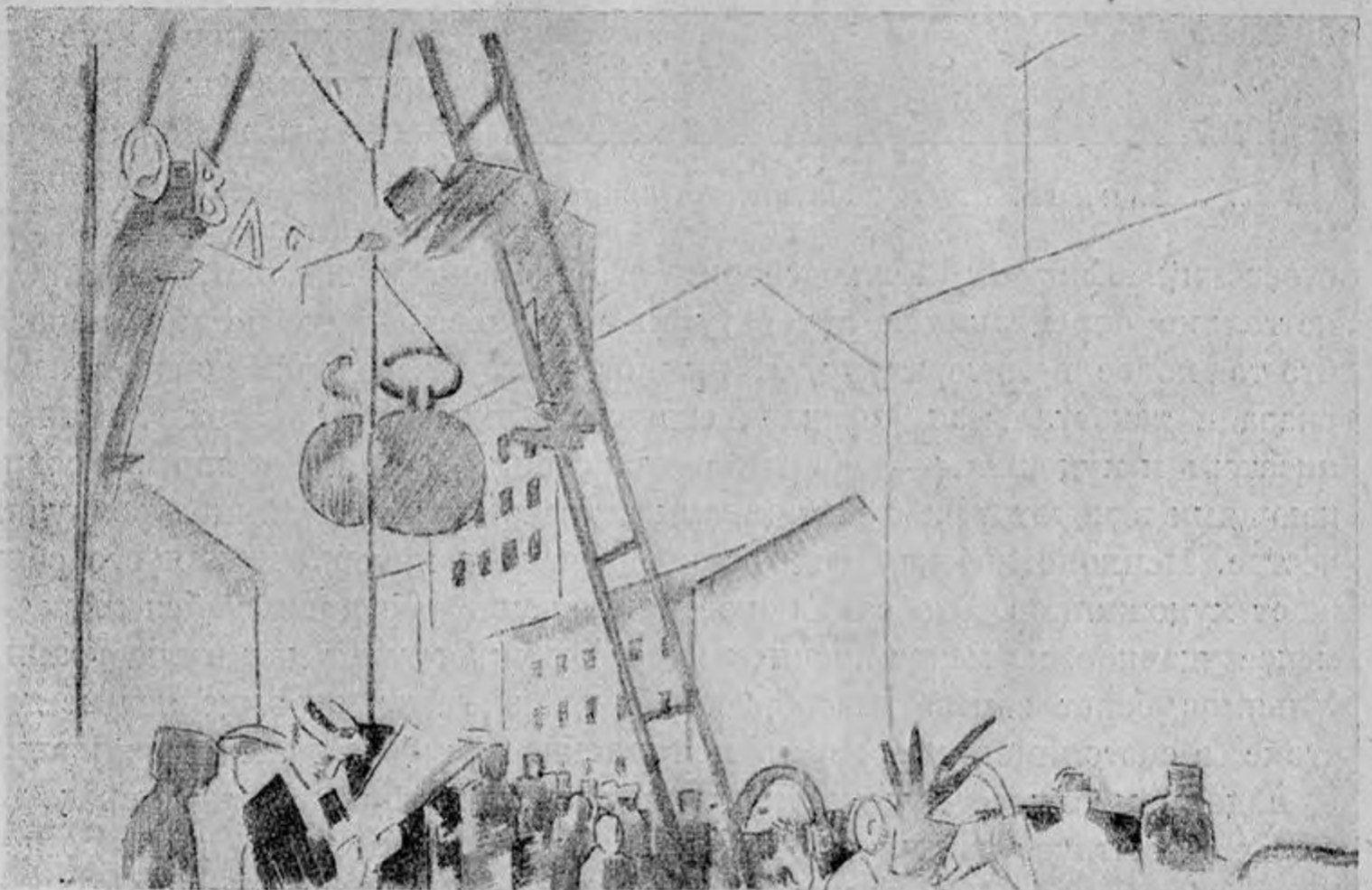

Н. П. Ульянов.

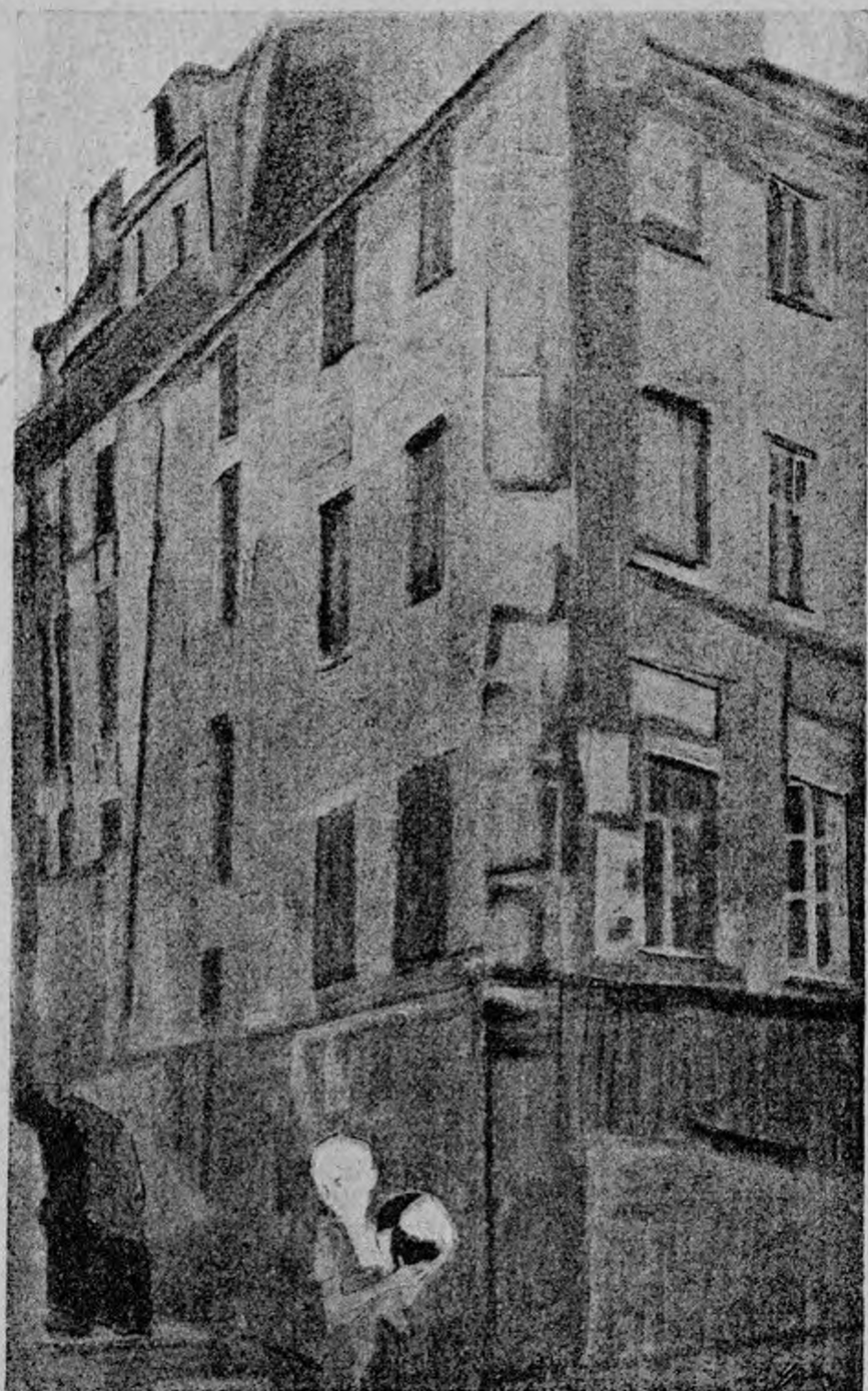
Улица.

ника, не погружающемуся в толпу, всегда вооруженному анализирующим вниманием. Это суть мнения мыслителя, скептического наблюдателя, философа, бродящего по улицам, вдумывающегося во всякий факт, разбирающегося во всех сопутствующих обстоятельствах каждого эпизода.

Н. П. Ульянов.

Живописец лысесок.

Н. Н. Ульянов.

Латинский квартал.

Достоевский, Бальзак. Иллюстрации его не совсем обычного типа. Они не только определяются литературным произведением, но и приносят что-то новое в литературу. В них отсутствует содержательность рассказа и текстуальная передача его в пластических образах. Авторы — писатель и художник — перекликаются своими миропониманиями, совпадающими в некоторых пунктах, они встречаются во взаимном сотрудничестве. Психологическая подоснова события и интерпретация его сближает художников. Это есть новое воплощение раз родившейся идеи, не менее удачное, не менее значительное. Выбирая текст для иллюстрации, Ульянов берет самый неизобразительный элемент, он выделяет не действие, а состояние души героя, исполненное глубочайших переживаний. И в данном случае художник должен найти изобразительные средства, он их заимствует из чуждой, казалось бы, области. Он начинает воздействовать ритмами. Интервалы, полутона входят как конструктивный элемент. Композиции этих рисунков часто децентричны: введены пустоты,

Он из сцены улицы выбирает лишь те предметы, которые желает сделать героями своих произведений. Он комбинирует их, передвигая, как режиссер, по своему усмотрению. Его видения города все выхвачены из действительности; но она — гораздо острее, очевиднее и нагляднее в рисунках Ульянова. В силу своей избранности, исключительности — обыватель, извозчик, посетитель аптеки, завсегдатай кафе, соседки на лестнице — приобретают ценность центральных персонажей, подчиняющих себе окружающее. Наиболее удачны из этой серии: «Перекресток», «Лестница», «Витрина» и др.

Отдельную группу среди рисунков Ульянова представляют иллюстрации. Его выбор авторов, как и тем, чрезвычайно ограничен: Гофман, До-

чередование черных и белых пространств, черная штриховка сглажена, превращена в тон, первичная линия получила плавность и певучесть. Не случайно в иллюстрациях к Гофману употребляется Ульяновым словарь музыкальных обозначений, как нельзя более уместный в данном случае. Сознательно или бессознательно пользовался им Ульянов? Возможно, что сознательно; для этого не надо иметь глубокого музыкального образования, но вернее это произошло без участия мысли и вылилось в аналогичную форму в силу своей природы. Литературные образы Гофмана — музыкальны, пластические воплощения их Ульяновым, взятые из того же источника, не могли быть иными.

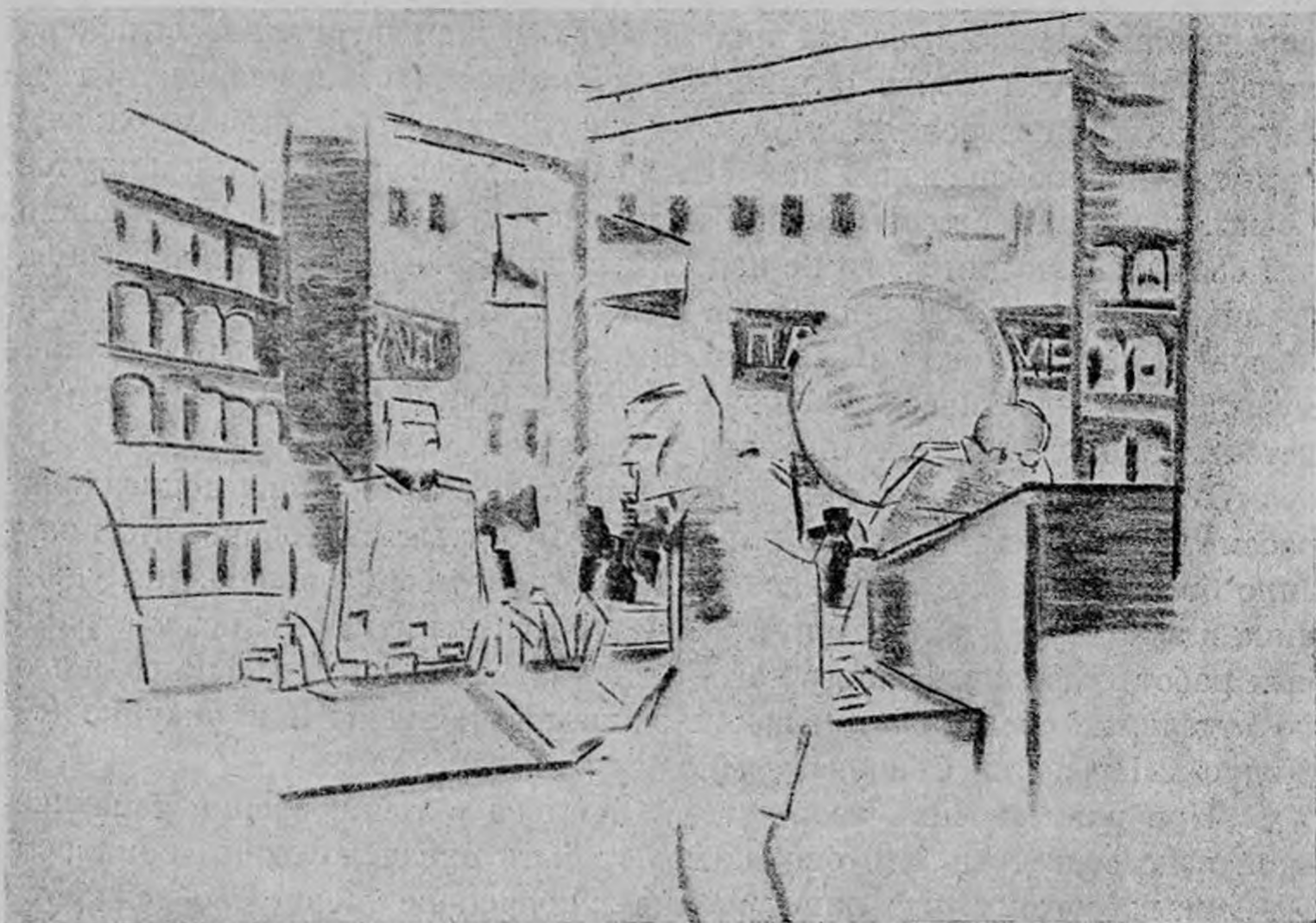
В данном очерке далеко не исчерпаны все материалы, подлежащие рассмотрению, нами выбрано лишь то, что систематизировано, что получило более или менее определенное значение и место в эволюции художника и знаменует этапы его пути. В частности мы не коснулись театральных работ художника, ввиду того, что они больше связаны с живописью, но отдельные сцены постановок и эскизы выполнены и в рисунке («У Дидро», «Проделки Сканена», «Дни Турбиных»).

При рассмотрении творчества Ульянова с точки зрения тематической надо сознаться, что оно не может быть охвачено одним понятием. Во-первых, потому, что лишь вполне законченное творчество поддается

Н. П. УЛЬЯНОВ.

У витрины.

Н. Н. Ульянов.

Аптека.

четкой классификации, когда преобладающий элемент служит выразителем целого. II, конечно, такие ограничительные определения всегда неверны и неполны. Можно ли назвать Стейнлена певцом пролетариата при

Н. Н. Ульянов.

Эскиз к постановке «Сканец».

наличии в его творчестве периодов увлечения Монмартром или работы его на фронте в качестве бытописателя войны? Правильно ли Ронса обозначать как автора эротического жанра, имея в виду его многолетнюю работу в журнале в качестве карикатуриста и зная его произведения сельского жанра? А какой классификации должен подвергнуться Дега? Что он такое: автор, воспевающий труд («Прачки», «Гладильщицы» и т. д.), балет, скачки, кабачки Монмартра, или он — художник-классик (о чем свидетельствуют его композиции из мифологии, древней истории)?

Окружающая жизнь, интересы сегодняшнего дня, события в жизни человеческого общества и в личной жизни — все дает одинаково благодарный материал для рисунков, отражающих, как страницы летописи, жизнь художника. Например: изучение древней философии проецируется в рисунках Ульянова как цикл «Античное»; путешествия — «Италия»; революция 1905 г. — рисунки баррикад и эпизоды гражданской войны и т. д.; перелом в миросозерцании и углубленное изучение природы — в пейзажах русской деревни. Наше время с его городской культурой — в серии «Город». Художник-рисовальщик есть рупор своей эпохи, и чем он послушнее ее велениям, тем разнообразнее и богаче его творчество.

П. П. Ульянов.

Трубач.